

В начале было слово

Существует гипотеза, что слову предшествовал жест. Позже появились звуки и слова. Не случайно ученые называют речь второй сигнальной системой. Однако жесты никуда не исчезли – одним из нас они позволяют эмоционально окрасить свою речь, а для других (например, слабослышащих) стали полноценным языком. Для непосвященных этот язык – иностранный. Понять его помогают сурдопереводчики (от латинского «surdus» – глухой). Люди этой редкой и гуманной профессии трудятся и в нашем университете. Наш корреспондент попросил рассказать Светлану Валентиновну Михайлову об ее работе.

Случай любит подготовленных

Светлана Валентиновна, если спросить школьников, кем они хотят стать, то в ответ можно услышать об инженерах, артистах, врачах, но вот о сурдопереводчиках...

Я тоже не знаю никого, кто мечтал бы о такой профессии с детства. Да и я попала в нее случайно. Окончив школу в Твери, я поехала учиться в Ленинградский политехнический институт, позже работала более 10 лет сначала оператором, а потом инженером в одном из ленинградских оборонных НИИ, занималась передовым в то время делом – автоматизированным проектированием. Так случилось, что в 90-е, когда финансирование военных заказов прекратилось, мама посоветовала мне обратиться в Общество глухих. Я пришла туда и честно сказала, что специального образования у меня нет. Показала, что умею, и моих навыков оказалось достаточно. А надо сказать, что мои родители были глухими, и жестовый язык – мой родной язык с детства. Я каждый день общалась на этом языке с родителями, переводила им фильмы, новости. Так я стала работать сурдопереводчиком, мне понравилось, и уже позже, с опытом ко мне пришло понимание особой ценности этой профессии: ты делаешь богоугодное дело, ты каждый день остро нужен людям.

Без поблажек

Наверное, больше всех в вашей помощи нуждаются именно молодые люди. Сегодня без должного образования трудно занять достойное место в жизни.

Сегодня в России, по неофициальным данным, около 14 миллионов человек с различными нарушениями слуха. Из них 300-400 тысяч – школьники. И они ничем не хуже и не глупее своих полностью здоровых сверстников. Просто они другие. Но тоже хотят и способны получить высшее образование, однако возможностей для этого у них очень мало. МГТУ им. Н. Э. Баумана – один из немногих российских вузов, где уже в течение 80 лет обучают слабослышащих. Если говорить о новейшей истории, то комплексно-ориентированное обучение слабослышащих студентов организовал директор ГУИМЦ Александр Григорьевич Станевский 20 лет назад, создав этот центр на базе Бауманки. Воплощение этой идеи дорогого стоит, особенно когда понимаешь, что наш центр и по сей день уникален.

Слабослышащим учиться, думаю, полегче – преподаватели, наверное, делают им скидки? Помните, как жалели когда-то «вечерников», садившихся за парты после смены на заводе?

Нет. Учатся без поблажек, наравне с остальными. На первых курсах наши слабослышащие студенты обучаются маленькими группами. Мы, переводчики жестового языка, стараемся индивидуально подойти к каждому. Например, учим записывать лекцию, не глядя в конспект. Это очень важно. Ведь они и так должны делать сразу два дела – списывать с доски и смотреть на переводчика. Одновременно это трудно. Ну а взглянуть в тетрадь и вовсе некогда.

В результате на старших курсах «мои» часто пишут быстрее, чем поток. И гордо показывают – мы обогнали вас, слышащих. И это в условиях, когда никто не делает им скидок, к тому же и преподаватели бывают разные: кто-то читает быстро, кто-то – тихо, кто-то одновременно говорит и пишет.

Но ведь язык глухих беден. Разве это не мешает им понимать смысл лекций? Не ограничивает в восприятии культурных ценностей?

Дело не в жестовом языке, в нем столько же дактилем (это пальцевый алфавит), сколько букв в русском языке. Дело в том, что с детства эти ребята ограничены в потоках информации. Их надо просто любить и чаще говорить на разные темы: о книгах, выставках, спектаклях... просто разговаривать по душам.

А уж когда ты обсуждаешь с ребятами, что правильно, а что неправильно, обращаешь внимание на то, о чем стоит подумать и как правильно поступить, то они очень признательны за это. Ведь, к сожалению, возможность таких разговоров для них очень ограничена потому, что они замкнуты сами на себя, и найти собеседника вне этого круга им почти невозможно.

«Технари» и перевод

Светлана Валентиновна, а как преподаватель понимает, что Вы переводите именно то, что он читает? Ему тоже надо знать ваш язык?

Чтобы у преподавателя не возникло сомнений в точности перевода, я тихо, повторяя слово в слово, шепчу все, что он говорит. При этом очень выразительно и точно артикулирую. Например, звуки «к», «г» и «х» произносятся в одном положении губ. А студент должен их различить.

Мы – переводчики Бауманки – пользуемся русским жестовым языком (РЖЯ). Это особый язык. Например, слово «амортизация». Такого жеста нет, поэтому я показываю два жеста – «изношенный» и «старый», но артикулирую (произношу шепотом) слово «амортизация». Если студент впервые встречается с этим словом, то мои жесты помогают ему не потеряться в тексте. РЖЯ – более конкретен и менее многообразен. Например, в нем нет уменьшительно-ласкательных слов. Мы выполняем эти оттенки другими средствами – эмоциями или несколькими жестами и дополнительными средствами. Без эмоций, даже если говоришь о бездушной машине, теряется до 30% перевода.

Хорошо, преподаватель слышит Ваш шепот и понимает, что Вы успеваете за ним. А студенты успевают понять?

Я не просто перевожу. Обязательно слежу за реакцией ребят. По глазам студентов сразу видно, поняли они меня или нет. На первых курсах бывает, что они стесняются спросить, но потом привыкают и задают больше вопросов по теме лекции.

Как-то у студентов 5-го курса я переводила лекцию по дисциплине «Интеллектуальные системы». Послушать молодого преподавателя пришел его отец, тоже преподаватель нашего вуза. «Не знаю, как вы будете переводить. Это очень тяжелая тема, а ваш язык ограниченный», – говорит он мне. Я попросила его сесть рядом со студенткой, которая совсем не слышит. Он слушал лекцию и смотрел в ее конспект – написанное полностью совпадало с услышанным. Я его спрашиваю: «Вы убедились?» Он ответил, что это удивительно! Вот вам и «бедность» жестового языка!

И правда – удивительно! Как Вам, Светлана Валентиновна, удается точно перевести слова лектора? Ведь дисциплин так много, и они все сложные.

Это действительно трудно. Но именно поэтому и мне, и моим коллегам очень интересно. В нашей работе нет рутины. Мы постоянно работаем с жестами – изобретаем новые или заимствуем. Вот, например, слова «бит» и «байт» взяли из немецкого жестового языка. Жест начал жить, значит, образ найден правильно. И такой поиск у нас идет постоянно. Непросто и с многозначными словами. Вот, например, слово «класс». Я должна сразу же дать понять студентам, что имеется в виду: это уровень образования, или речь идет о помещении, или о некой группе, а может быть, это эмоция – «класс», то есть «супер». Четыре разных жеста. Новички всегда спотыкаются о многообразии жестов. А еще нужно показать различными жестами обычный и мобильный телефоны, компьютер, планшетник, ноутбук и т.д., и т.п.

Поиском жестов дело не ограничивается. Нужны эмоции. Неважно, что ты переводишь: сетевые технологии, проектирование баз данных или организацию производства. Я точно знаю – живая мимика помогает. А вот каменное беспристрастное лицо – плохо. Конечно, гиперактивность тоже ни к чему. Она раздражает не меньше, чем нарочитая театральность на сцене. Должна быть какая-то золотая середина.

Быть нужным – счастье

Светлана Валентиновна, а как пополняются ваши ряды, где можно освоить вашу профессию?

Хотя такие специалисты сегодня востребованы, их очень мало. Практически весь «цвет» сосредоточен в МГТУ им. Н. Э. Баумана. Дело в том, что на переводчиков-синхронистов жестового языка нигде не учат. Практически нет ни методической литературы, ни словарей нашего уровня. Есть специальные курсы, но они выпускают, по сути, социальных работников, владеющих лишь основами жестового языка. А ведь интерес к этому языку есть! У меня был интересный случай. По инициативе слышащих студентов Бауманки организован клуб по изучению жестового языка. «Мои» студенты создавали среду – разговаривали со слышащими, а я как консультант-эксперт следила за правильностью показанных жестов, за передачей лингвистических тонкостей нашего языка. Мы прозанимались целых два года. Студенты были счастливы, что познакомились с еще одним языком. А лишние знания не бывает!

Я ведь никогда не думала, что мне пригодится жестовый язык. Немало лет прошло, пока пришло понимание: если Господь дал мне эти знания, и если у меня это неплохо получается, то, значит, и миссия в жизни у меня именно такая!

Беседовала Елена Емельянова